

ANALYSE ET COMMENTAIRE DE TEXTES OU DOCUMENTS EN RUSSE

Durée : 6 heures

Analysez et commentez, **en russe**, les documents suivants :

Россияне считают, что роль РПЦ в годы патриаршества Алексия II возросла

Доверие россиян к Русской Православной Церкви (РПЦ) сегодня выше, чем десять лет назад, при этом подавляющее большинство граждан отмечают ее возросшую роль в обществе за годы патриаршества Алексия II, свидетельствуют исследования социологов.

80% россиян считают, что под руководством Алексия II значительно возросла роль Русской церкви в общественной жизни страны, доля тех, кто не заметил изменений, составляет всего 6%, показал декабрьский опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ).

По данным социологов, в 2004 году мнения россиян по этому вопросу значительно отличались от нынешних — 68% и 15% соответственно. За этот же срок не изменилась доля россиян, которые утверждают, что РПЦ стала играть меньшую роль в обществе — только 1%.

Значительная часть россиян (43%) полагают, что за ближайшие 5-10 лет роль РПЦ в жизни общества увеличится, противоположной точки зрения придерживаются только 2%. Часть респондентов (22%) не ожидают перемен, каждый третий (33%) затруднился сделать прогноз.

Как показал опрос ФОМ, проведенный в 42 регионах РФ, две трети россиян (67%) называют себя верующими православными. Других христиан — католиков и протестантов — среди опрошенных не оказалось, равно как и приверженцев иудаизма и буддизма. Мусульман среди респондентов оказалось 6%, а еще 1%, по их словам, принадлежат другим религиям. Пятая часть опрошенных (21%) к верующим себя не относят. Наконец, 5% затруднились охарактеризовать свою конфессиональную принадлежность.

NEWSru.com. Религия и общество.
19 декабря 2008 г.

СТОЛП

Русскую Православную Церковь, лично патриарха постоянно обвиняют в конформизме.

Обвинение, с моей точки зрения, несправедливое. «Конформистом» можно считать того, кто сам не верит в то, что говорит: допустим, подлизывается к власти, хотя считает эту власть «плохой», «неправильной», для себя чуждой. И подлизывается — за деньги, со страху, ради чина и т.п.

Так вот, к РПЦ это не относится. Разумеется, отдельные иерархи не прочь и деньжатами разжиться, кто-то «на крючке» по тем или иным компрометирующим обстоятельствам, многие стараются карьеру сделать и т.д. Это все дело житейское.

Но каковы бы ни были иерархи РПЦ, сама церковь как организация всегда — по крайней мере, последние 300 лет уж точно — является в России *частью государства*. Важнейшей частью. Системообразующей частью: духовной «крышей». А государство является важнейшей, системообразующей частью РПЦ. Это — не конформизм церкви. Это — *сущность* РПЦ. Это ее миссия, если угодно.

Свою главную цель РПЦ видела и видит в сохранении-расширении-укреплении российского государства и усилении своей роли в этом государстве. РПЦ — церковь с государственно-патриотически-националистическим геномом, менталитетом. Поэтому, кстати — а вовсе не только из-за преследований — для РПЦ такой *духовной* катастрофой были периоды (1917-1941, а затем еще в конце 1950-х годов), когда Государство оттолкнуло Церковь, объявило ее своим врагом, боролось с ней. РПЦ не имела не только физических, но и моральных, духовных сил противостоять Государству Российскому. Утратив государственную опору, РПЦ повисала не в материальном, а в духовном вакууме.

РПЦ в годы свободы, в краткий миг демократии — начало 1990-х.

Тогда вертикали — не было. Идеологии у государства — не было. Вообще ни черта не было. «Берите, сколько можете унести», уронил с высоты своих двух метров «царь Борис».

Сколько же смогла РПЦ? В принципе она могла *реально* «отделиться» и отделаться от государства. Только тогда это была бы *другая* церковь. И РПЦ сделала *все*, чтобы *не* отделяться.

Много причин.

И материальные, от «табачно-водочных», до строительства храмов. Был и страх, что, отделившись от государства, в условиях свободной конкуренции можно проиграть паству самым разным конкурентам, от католиков и протестантов, до кришнаитов и разнообразных сектантов и т.д.

Но наряду с этими — несомненно, очень важными — были, полагаю, и другие причины.

Все тот же инстинкт, государственно-менталитет. Если угодно — Вера. Вера в свое предназначение, в свой долг перед Россией и русским народом.

Глубокий инстинкт говорил РПЦ, что а) чад свободы быстро рассеется, власть опять станет авторитарной, с поправкой на современный стиль, Россия вернется в колею русской истории и б) что ни РПЦ без государства, ни государство без РПЦ не смогут. «Нам не жить друг без друга».

То же самое ясно чувствовало и государство — никак не желало, да просто не могло позволить себе роскошь править, не опираясь на РПЦ.

Они опять потянулись друг к другу: новый, обоюдожеланный союз стал счастливой находкой для них обоих.

Разумеется, РПЦ воспользовалась ситуацией, для нее настал золотой век, на самом-то деле.

Возможности — почти как в Российской Империи, практически государственная религия. А свободы — гораздо больше. Ни один обер-прокурор (кроме разве «самого Победоносцева») не имел такого влияния, такого положения во власти, как патриарх в современной России.

При этом РПЦ, конечно, немного «расслабилась» и внутри себя. В общем, она модернизировалась — по сравнению с царскими или советскими временами — примерно в такой же мере, как и все наше государство.

Но в главном и государство и его церковь остались верны себе, своей истории, своему генотипу. Вертикаль. Авторитарность. Державность. Противостояние Западу.

И личное служение Алексия состояло в том, что он провел свой корабль державным курсом в своем стиле — спокойно, без шараханий, солидно, «по центру». Сделал то, что ему диктовала и история РПЦ, и собственный инстинкт, и «ментальное поле» страны.

Полагаю, ту же линию будет вести и его преемник — кто бы им ни стал.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ
«Ежедневный журнал» 8 декабря 2008 г.

ДУХОВНЫЙ ФИТНЕС

Россия не православное царство, не духовная империя, не «Третий Рим». Это особенно отчетливо проявилось в дни прощания с Патриархом Алексием II. Ни в идеологическом смысле — с позиций государства, ни в бытовом — с позиций обывателя — мы не готовы строить жизнь по православным канонам.

Очень показательно, что в стране не был объявлен официальный траур — дело ограничилось рекомендацией государства телеканалам воздержаться в день похорон предстоятеля РПЦ от развлекательных программ. Логичных мотивов для отказа от объявления траура было минимум два. Во-первых, Россия светская страна, церковь у нас де-юре отделена от государства. И при всей важности мирской, политической деятельности усопшего патриарха его смерть — внутреннее дело церкви и личное горе каждого отдельного человека, так воспринимающего эту утрату. Во-вторых, Россия страна межконфессиональная. И если объявлять официальный траур по первоиерарху православной церкви, надо делать то же самое и в случае кончины глав других конфессий.

Не менее показательно восприятие случившегося обычными людьми. Да, скорбь многих тысяч россиян (и моя собственная при всей моей дистанции от любых религий) была абсолютно искренней. Но вот только один пример: простая русская женщина средних лет, вовсе не «развращенная» западной потребительской цивилизацией, скорее советским восприятием мира, знакомая моей коллеги, выразила опасение, как бы теперь в РПЦ не избрали «начальником» немца или поляка.

На недоуменный вопрос, как может немец или поляк стать главой Русской православной церкви, она уверенно ответила: «Но ведь в Риме же избрали». Римский папа и патриарх для нее одинаково далеки и непонятны.

Еще более показателен свежий опрос ВЦИОМ об отношении россиян к религии. Вроде бы 73% россиян считают себя православными — на 10% больше, чем два года назад. При этом они честно признаются, что главными мотивами их — нет, не веры, а именно отнесения себя к православию — являются «следование национальным традициям» (39%) и причастность «к мировой культуре и истории». И лишь для 17% религия — это личное спасение, общение с Богом.

В этих ответах кроется разгадка того парадокса, почему наш «народ-богоносец» при большевиках с таким остервенением участвовал в разрушении храмов, так рьяно присягал на верность бесчеловечному коммунистическому режиму. Потому что вера для многих была не личным выбором, а следованием традиции. А когда вопрос встал так — «вера или жизнь», — естественно, выбрать веру было очень непросто.

Сама история России привела к тому, что наши люди выработали, например, такие формулы оценки действительности: «Бог высоко, царь далеко», «Не верь, не бойся, не проси». Разумеется, при этом мы верим, боимся и просим. Но верим в неизмеримо меньшей степени, чем боимся.

Коллективистское сознание заставляет миллионы россиян кидаться из воинствующего безбожия во внешне активную веру. Но для большинства новообращенных посещение храмов становится чем-то вроде духовного фитнеса, сродни походу в спортзал. В спортзалах мы пытаемся «подкачать» физическое здоровье, а в церквях — нравственное.

Куда сложнее жить «по-божески». Ничего подобного ни в своей собственной жизни, ни в жизни большинства наших знакомых, ни тем более в жизни наших светских правителей, регулярно стоящих со свечками в храмах на все церковные праздники, мы ведь не наблюдаем.

Если не считать веру вполне политехнологическим способом управления массами, банального подавления индивидуальности человека, вовлечения его в бездумное поклонение действующей власти как носителю истины и полпреду¹ Бога на Земле или модой эпохи, много ли россиян являются истинно верующими, в том числе православными? Вера как работа души, а не слепое следование обрядам, разумеется, может принести кому-то из людей освобождение от тягостных чувств и раздумий, которые вызывает любая жизнь, дать шанс обрести какой-то смысл собственного существования. Но только если эта работа души проделана и проделывается каждодневно, только если вера — это свободный, осознанный выбор, а не «следование традициям» или дань религии как «части мировой культуры», можно говорить о вере как об истинной сути человека.

Ни власть, ни народ в России не живут по религиозным канонам.

Пятисотлетняя попытка представлять Россию как последнюю истинную православную империю, как царство Божье на Земле явно провалилась.

Семен НОВОПРУДСКИЙ
www.gazeta.ru. 12 декабря 2008 г.

¹ То же, что посол (в СССР до 1941 года).